

*Автор благодарит за консультации
Клода Роффе и Натана Зabloцкиса*

Все события и действующие лица романа являются вымышленными, любое совпадение с действительностью может быть только случайным.

...Совершенно непонятно, каким образом, но он забыл дома паспорт. Хорошо, вовремя спохватился, до самолета должен успеть, если гнать. И он гнал, за сто зашкаливало. Ярославка была относительно свободной, и гаишники — давно добрые, щедро подмазанные друзья — только ручкой приветственно делали: проезжай, мол, родной, для тебя все, что хочешь.

Марк притормозил перед воротами своего загородного дома, машину во двор заводить не стал, шоферу и охраннику кивнул: «Я туда и обратно».

— Май! Майчонок! — позвал, войдя в дом.

Но жена не откликнулась, должно быть, была наверху. Марк колебался: дозваться все-таки, чтобы позвонить еще разок свою золотоволосую девочку, или бежать скорее обратно к машине — утром попрощались, чего уж там, она его не ждет, даже не знает, что он за забытым паспортом примчался...

— Майчонок! — крикнул он снова для верности.

Наверное, в наушниках музыку слушает, она их почти не снимает, все делает в них: читает, хозяйничает, гуляет. Марк даже беспокоился: слух, говорят, от них снижается...

Пойти наверх? Нет, надо торопиться. Марк схватил паспорт — он лежал на виду, на каминной полке, и когда только он его туда положил? — потом листок бумаги и, присев на край стула, черкнул: «Забыл паспорт, заезжал домой, тебя не дозвался, тороплюсь, целую, люблю». И поставил свою красивую, с росчерком подпись.

Тихий звук за спиной привлек его внимание, и Марк хотел было обернуться, но неожиданно почувствовал резкий прострел под лопаткой, словно вступил радикулит, какой-то там шейно-плечевой, о котором он знал только понаслышке. Стало трудно дышать.

«Да что же такое? — удивился Марк, тяжело разворачиваясь от стола. — А вдруг инфаркт? — подумал он. — Вдруг разрыв сердца?»

Поворачиваться было невероятно больно, он сжался, схватился за грудь и еще больше удивился, когда увидел на своей руке кровь. Марк с трудом встал, опираясь окровавленной ладонью о стол, и понял, что рука испачкалась от рубашки, и он бы удивился этому несравненно сильнее, но не успел: он умер.

От разрыва сердца.

Пулевого.

* * *

— А это обязательно? — поморщился Алексей Кисанов, когда Александра, придиричиво изучив содержимое шкафа, выбрала и подала ему галстук.

— Нет, — сказала она, — но ты мне нравишься в галстук.

— Ага, без галстука я тебе не нравлюсь, надо понимать? — Алексей внимательно следил в зеркале за

своими пальцами, не слишком ловко справлявшимися с узлом.

— Нравишься. И без всего остального тоже.

— Звучит обнадеживающе...

— «Надежды юношей питают...»

— О, меня в юноши зачислили! Ты сегодня необыкновенно любезна. А что питает девушек?

— Юноши. Когда становятся их мужьями и перестают питаться надеждами.

— Смотри-ка, до чего ловко мир устроен! Когда я слушаю твои комментарии, мне кажется, что я смотрю передачу «В мире животных».

— А когда их не слушаешь, то просто в мире животных живешь.

— Ага. — Алексей внимательно изучил плоды своих трудов, развязал галстук и принялся заново мастерить подлый узел под насмешливым взглядом Александры. — Это типа того, что люди едят зверей, а звери едят людей?

— В основном люди едят друг друга. Зверям мало достается.

— Невеселая картина.

— Веселая или нет, но через десять минут ты отправишься прямо в пасть к одному из представителей самых опасных человеческих хищников. Если ты об этом забудешь хоть на минуту — ты проиграешь...

«Человеческий хищник», а именно Аркадий Усачев, известный ведущий, около месяца тому назад пригласил Алексея в свою телепередачу «Автопортреты». Известен же был Усачев своими провокационными вопросами, умением втягивать гостей в полемику и вытаскивать из них информацию, интимную и компрометирующую. Невинное на первый взгляд название «Автопортреты» имело самый что ни на есть

издевательский подтекст: это были, по существу, авторазоблачения, нечаянный ментальный стриптиз, в орбиту которого были искусно вовлечены не только приглашенные, но и прочие лица, оставшиеся за кадром. И сыпались в эфир семейно-постельные секреты, выставлялась на всеобщее обозрение подноготная бизнеса, выворачивалась изнанка политических деятелей и их деятельности перед глазами миллионов избирателей...

* * *

...Через некоторое время Майя спустилась вниз, закричала, точнее, завизжала, даже за воротами ее услышали охранник и шофер; они уже мчались к дому, пока не понимая, имеют ли право туда ворваться, беда ли приключилась или просто супруги поссорились. Майя, охваченная истерикой, глядела побелевшими от страха глазами на двоих мужчин, замерших у раскрытого окна в короткой напряженной стойке; под их цепкими, быстрыми взглядами ее крик сошел на нет, превратившись в тихое рыдание — «мамочки, мамочки, ой, мамочки», — и она заметалась между неподвижным телом мужа и пистолетом, черное блестящее тельце которого четко выделялось на фоне бледно-зеленого ковра.

Когда двое за окном поняли, что это не супружеская ссора, и ворвались в дом, Майя, пятясь назад, подхватила с пола пистолет и двумя руками наставила на них:

— Это не я... это не я... не трогайте меня, уйдите!.. Это не я!.. Не знаю кто... я не видела...

Мужчины растерянно смотрели то на Майю, то на

тело Марка, завалившееся в неуклюжей позе на бок возле стула, не зная, что предпринять.

— Что случилось, Майя Максимовна? — спросил шофер Гоша спокойно и строго. — Что с Марком Семеновичем?

— Его уб-били. — Каждый звук был отбит дробью ее зубов.

Шофер шагнул было в сторону тела со словами:

— Возможно, он только ранен, надо посмотреть, может, его еще можно спасти...

— Стоять! — взвизгнула Майя. — Не двигайтесь! Марк мертв, убит, убит, убит...

Ее душили рыдания без слез, жестокие содрогания горла и лица, растянувшие губы в некрасивой гримасе; пистолет прыгал в руках.

— Майя Максимовна, — ласково произнес шофер Гоша, — положите пистолет, зачем вы его подняли?

— Не з-знаю!.. Вы подумаете, что это я!..

— Лучше будет, если мы его положим туда, где он лежал. Надо срочно вызвать милицию! Зря вы подобрали оружие, теперь на нем будут ваши отпечатки, — увещевал ее шофер. — Он ведь лежал на ковре? Дайте мне его, я его оботру и положу на место, пусть милиция разбирается...

Он не стал подходить к Майе, боясь ее напугать, — просто раскрыл ей навстречу ладонь.

Майя, бледная и замедленная, как загипнотизированная сомнамбула, двинулась к мужчинам, протягивая пистолет...

И вдруг ринулась к выходу мимо них. Они не успели ничего понять, как раздался шум мотора: Майя завела свою машину и, едва не врезавшись в стойку ворот, исчезла из виду.

* * *

Когда частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) получил приглашение на телевидение, его первая реакция была: отказаться. Он сразу учуял: Усачев будет подбивать его на конфликтный разговор о милиции. Но Кис все же решил посоветоваться с Александрой, любимой женщиной, а также известной журналисткой в свободное от его любви время¹.

...В тот день Алексею удалось закончить дела пораньше, он пришел домой первым и успел комфортно развалиться на диване. Откуда он и вещал, услышав, что Александра, раздевшись в прихожей, направилась напрямиком в душ.

— Свет мой Алексанна Кирилна, не изволите ли сначала осчастливить меня поцелуем?

— А вы, сударь, не изволите ли задницу оторвать от дивана и потрудиться передвинуться за причитающимся поцелуем? — донеслось до него.

— По законам физики, это свет падает на предметы, а не предметы на свет!

— Учту на будущее, что ты предмет. Что же до людей, то, по законам психологии, люди тянутся к свету, — донеслось до него.

Шум душа послужил точкой в содержательной беседе.

Алексей встал, потянулся и неспешно направился к ванной комнате. Легонько приоткрыл дверь: Александра плескалась за полупрозрачной перегородкой. Мельком подумав, как он любит это тело, смутно и

¹ См. романы Т.Светловой «Шантаж от Версаче» и «Шалости нечистой силы».

горячо розовеющее в пару ванной, Кисанов уже было вознамерился возлечь обратно на ложе, чтобы доиграть роль капризного патриция, как Александра произнесла, не оборачиваясь:

— Или туда, или сюда. Но закрой дверь.

— У тебя глаза на затылке, — проворчал Алексей, раздосадованный тем, что его застукали.

— На коже. Холодок из двери.

— А причитающийся поцелуй?

— Если не боишься вымокнуть...

Он вымок полностью спустя пять минут. В связи с чем разделся. В связи с чем решил тоже принять душ. В связи с чем...

В связи с чем прошло не менее часа, когда оба вывалились из душа, розовые, распаренные и сытые нежной любовной близостью.

— Меня Усачев зовет в свою передачу, — сообщил Кис, усевшись за стол.

Не желая тратить много времени на кухню, Александра готовила без изысков, но вкусно. После многих лет холостяцкой неустроенности души и быта все, что выходило из-под рук Александры, казалось Кису деликатесом, а приправленная ее обществом еда и вовсе превращалась в райскую пищу.

Их отношения по молчаливому согласию сложились в некую форму свободного союза. Каждый по-прежнему жил у себя, но почти все вечера и ночи они проводили вместе — то у него, то у нее, смотря по обстоятельствам.

Одним из «обстоятельств» негаданно стал Ванька, помощник Алексея, безалаберный студент юрфака, снимавший у детектива маленькую комнату в его

трехкомнатной квартире на Смоленке в обмен на необременительную помощь в расследованиях и секретарских делах.

Появление женщины в квартире детектива Ванька принял неожиданно ревниво, как разрушение мужского братства, и всем своим видом демонстрировал Саше, что он имеет приоритетные права на эту квартиру и на ее хозяина, то бишь Алексея Кисанова. Всегдашний разгильдяй, Ванька вдруг даже заделался передовым дежурным по кухне, исправно разогревая каждый вечер полуфабрикаты и моя посуду, лишь бы не допустить самозванку к управлению их холостяцким бытом. Александра посмеивалась, но Кис чувствовал себя не слишком комфортно. Посему они чаще встречались в квартире Александры на проспекте Мира. Но все же и на Смоленку заглядывали: Ванька ревновать — ревновал; когда Александра приходила, хамил и устраивал демонстрации, но, когда они не появлялись больше трех дней, обижался и скучал.

— Он к тебе относится как к отцу, — резюмировала Александра.

— А то я не вижу, — буркнул Кис и подумал: «Если бы я к нему относился как к сыну, уже давно бы штаны спустил наглецу да надавал хорошенько по заднице...»

Впрочем, по истечении первых двух месяцев конфликт «отцы и дети» стал потихоньку рассасываться, Ванька допустил Александру к священному алтарю кухонной плиты, хотя сам неотступно крутился рядом — то ли ревниво следил, то ли помогал. И времени до Алексея, который частенько сживал за работой по вечерам, стали доноситься взрывы их дружного смеха с кухни.

— Ты ваше качок, Кис, — сказал в один из этих

дней Ванька, — я и не знал, что ты в телках разбираешься.

Кис, охваченный педагогическим порывом, едва не ударился в разъяснения по поводу вульгарного «телки», но в конечном итоге сделал выбор в пользу мира и взаимопонимания между поколениями и коротко ответил:

— А то!

Однако спустя несколько недель воцарившийся было мир в старой квартире на Смоленской стал опять расползаться по швам. Ванька в присутствии Александры стал как-то подозрительно бледнеть, заикаться и ронять посуду.

— Если он ко мне относится как к отцу, то в таком случае у него явно наметился эдипов комплекс, — резюмировал Кис.

Александра улыбнулась, но снова стала реже бывать у Киса.

Должно быть, воздержание от встреч с избранницей «внештатного отца» охладило юный Ванькин пыл, поскольку еще пару месяцев спустя он чинно представил Алексею девушку, чем-то неуловимо напоминающую Александру.

— Ну ты качок, Ванька, — сказал ему Кис. — Я и не знал, что ты в телках так хорошо разбираешься...

— А то! — важно ответил шалопай...

— ...И ты согласился участвовать в передаче? — спросила Александра.

— Пока нет.

— Боишься?

— Не люблю, когда из меня клоуна делают.

— На это Усачев мастер, собеседников подставляет виртуозно... Что сказал, когда приглашал?

— О, пел соловьем! Лучшие-де кадры милиции ушли в частную практику, остались одни болваны, которые к тому же, раскрыв дело исключительно с помощью высокоодаренного частного детектива, приписывают все подвиги себе и получают звания и премии, а такие настоящие герои, как я, остаются в неизвестности. А народ должен знать своих...

— ...героев в лицо, — подхватила Александра. — Это девиз его передачи. Понятно. Усачев — великолепный профессионал самой похабной разновидности журналистики. Он нароет любой скандал даже там, где его нет, и любой ценой, включая самые грязные методы. Помнишь, как он едва не довел до суицида Валю Елагину?

— Я не смотрю его передачи.

— Ну, молодая актриса, восходящая звезда, талантливая девочка, — так он принялся полоскать перед всеми проделки ее отца, коррумпированного депутата, намекая, что именно он устроил дочке на фестивале приз за лучшую женскую роль. Полнейшая ложь! Я знаю Елагину, она с пятнадцати лет со своим отцом не разговаривает! Знаешь, что меня больше всего бесит в Усачеве? Что он держит всех за идиотов. Спел лисью песенку: «голубушка, как хороша, какие перышки, что за душа», и уверен, что купил всех с потрохами! После чего беззастенчиво выворачивает эти самые потроха... И Валя, дуреха, тоже купилась на его лесть.

— А знаешь, что больше всего бесит меня? Что он прав: идиотов слишком много. Если бы это было не так, его передача не была бы столь популярна. Но у

него отбоя нет ни от «гостей», ни от горячих поклонников.

— Пожалуй, Алеша, я бы на твоём месте согласилась... Просто чтобы доказать ему, что не все такие безмозглые...

— Стоит ли ввязываться в эту лабуду? Зачем? Кому это нужно? Зрителям? Так если у них мозгов нет, то уже и не прибавится...

— Мне. У меня еще за Валю Елагинову к нему счеты. Руки пока не дошли, но давно чешутся.

— Ага. Руки чешутся у тебя, а отдуваться должен я?

— Боишься?

— По-моему, мы начинаем разговор сначала: не хочу оказаться в роли клоуна. Я ведь буду в прямом эфире, а нужные ответы иногда находятся слишком поздно. Я не мастер по словесным пикировкам.

— А ты поначалу прикинься дурачком простодушным, подыграй ему. За это время ты сможешь обдумать, как повернуть разговор. И когда он уже будет уверен, что ты у него в кармане, — выдашь Усачеву все, что ему причитается...

Он согласился. Он, собственно, с самого начала знал, что согласится. И не только потому, что Александра его попросила, нет. Просто так он был устроен. Кис давно не верил в торжество справедливости, давно не питал никаких иллюзий на сей счет. Да и само понятие справедливости слишком туманно, неконкретно, «амбивалентно», как выражалась Александра, — или, проще говоря, у каждого всегда находится своя правда. Но *несправедливость*, напротив, была всегда конкретна, осязаема, и Алексей на нее реагировал кожей, она почему-то всегда оказывалась

его личным делом. Разумеется, он знал, что всю грязь никому не под силу одолеть, но считал, что маленький участок, который у тебя под ногами, вычистить можно. Или можно попробовать, скажем так.

И вот теперь он вязал перед зеркалом душегубку-галстук, собираясь в Останкино.

— Значит, ты делаешь польщенный вид, — наставляла его Александра на прощание, — и киваешь-подкиваешь на все комплименты и лесть Усачева. До тех пор, пока он не расслабится и не предоставит тебе слово, считая, что ты уже вполне прожарился на костре своего тщеславия. Вот тогда ты и скажешь все... Я буду у экрана, Алеша, я буду с тобой...

* * *

Бессмысленно проболтавшись по улицам больше двух часов, Майя остановилась у какого-то бара на проспекте Мира.

Бар был пустым, в нем по западной причуде почти не кормили и только предлагали разные напитки, от соков до самых крепких, да несколько видов легких закусок с тяжелыми ценами в у.е. Она села за столик и заказала коньяк. Бармен с любопытством смотрел на хорошенькую девушку, гадая, что же могло так испугать эту крошку, которую он, кажется, уже видел в своем баре... Над стойкой работал телевизор, началась передача «Автопортреты», Майя тупо смотрела на экран, на самодовольное лицо Усачева — уж этот-то портрет вся страна знает...

Усачев объявил гостя передачи, частного детектива Алексея Кисанова, и Майя сморщила нос: где-то она слышала эту фамилию... В голове гудело, будто ее огрели чем-то весьма увесистым, и мысли обтекали

случившееся, как толпа обтекает раздавленную кошку, отводя глаза и стараясь не фиксировать в памяти жалкое зрелище поруганной маленькой жизни. Она уткнулась в рюмку коньяка, обхватив ее обеими руками, словно хотела о нее погреться, склонившись носом, шеей, спиной к янтарному напитку, вдыхая его терпкий запах... И вдруг снова уставилась на экран. Потом вскочила. Дернулась было к выходу, но тут же обратно к столику, сделала два глотка коньяку, и опять к выходу.

— Эй, а платить кто будет? — крикнул бармен ей вслед, но Майя уже была на улице. Он не стал ее догонять: убытку почти никакого, два глотка. Он вылил остаток рюмки обратно в бутылку и покачал головой.

Добравшись до Останкина, Майя снизу позвонила: «Аленка, мне нужно срочно с тобой увидеться, закажи пропуск! Случилось, случилось, просто ужас, сейчас объясню».

Нервно переминалась у окошечка, пока не получила заветную бумажку, промчалась мимо постового и кинулась к лифтам.

Алена уже ждала ее в холле у лифтов на шестом этаже, обеспокоенная. Майка, со своей маленькой ладной фигуркой, светло-рыжими, золотыми волосами и зеленовато-голубыми глазами, с белой кожей и легкими веснушками по первому солнцу, была похожа на какую-нибудь принцессу из рисованного мультлика, прозрачную и невесомую, очаровательную и взбалмошную. А у рисованной принцессы в ее рисованной жизни не может, по определению, случиться ничего плохого; в ней надежные друзья в виде ослика и пса расппевают стройным хором жизнерадостные

песенки, принц появляется строго в назначенное время, а злодеи всегда побеждены и выставлены на посмешище.

Но сейчас голосок Майи встревожил ее не на шутку. Алена нетерпеливо поглядывала на лифты, но почему-то ни один не желал останавливаться на ее этаже.

И только когда истекли пятнадцать минут, в которые можно было пятнадцать раз спуститься и подняться на шестой этаж, Алена вдруг, отчего-то холодея, вспомнила их разговор двухнедельной давности...

* * *

...Посреди захватывающей беседы о марках губной помады Майя внезапно спросила: «Показать тебе мои статьи?»

Девушки утонули в низких диванчиках и полумраке бара телецентра в Останкине. Алена сидела прямо, едва склоняясь к низкому столику, на котором стояли коктейли и кофе, заказанные подругами. Майя, напротив, почти уткнулась в свой стакан и пыталась достать соломинкой вишенку со дна. Они были ровесницами, двадцать шесть лет, но издалека можно было их принять за маму с дочкой: высокая Алена с величавой осанкой и мелкая хрупкая Майя, со шкодливыми и нетерпеливыми повадками ребенка. Алена никогда не меняла разворот плеч и свой интерес к собеседнику или предмету обозначала лишь легким наклоном головы, тогда как Майя, казалось, гибко группировалась всем телом, как обезьянка, вокруг объекта ее интереса. С Аленой, крупной, статичной в своей пластике и солидной в манерах, они абсолютно не сочетались, но, может, именно поэтому и дружили:

они были настолько разными, что соперничать было бессмысленно.

— Статьи? Ты стала писать? — Алена с сомнением посмотрела на подругу. Пожалуй, она так и относилась к Майе: как к милому ребенку, которого можно баловать (что и делали все поголовно), но от которого невозможно ждать серьезных шагов.

— Вернее, репортажи. Уже четыре вышло. Смотри.

— Марк тебя пристроил? — спросила Алена, принимая стопочку тонких еженедельных развлекательных дамских журналов.

— Ага! — беспечно отозвалась Майя.

Она никогда не стеснялась рассказывать о том, кто и как устроил ее дела. На факультете журналистики Майя вызывала ярую, возмущенную зависть сокурсниц, оттого что у нее постоянно и неотвратно находились поклонники или просто доброхоты, которые помогали ей подготовить доклад или курсовую, провести ее на элитарное мероприятие, куда остальные не смели и мечтать попасть, — у мужчин Майка стабильно провоцировала неумемное желание ее опекать и о ней заботиться. Поднесенные дары и услуги она принимала весело и охотно, без малейших комплексов, словно так и должно быть. Никто и не удивился, когда Майя выскочила замуж за богача и очаровашку Марка Щедринского: все привыкли, что судьба (в лице мужчин) ее балует.

— Я могу взять? — спросила тактичная Алена, мазнув взглядом по первым строчкам статьи: не хотела читать при подруге, была уверена, что Майка способна написать только полную чушь.

— Бери.

Алена хотела было уже убрать журналы в сумку, как вдруг ее внимание привлекла одна фотография.

Она ткнула аккуратным ногтем со светлым лаком: «Где это?»

— На открытии культурного центра при Швейцарском посольстве. А что?

— Это Касьянова, Александра?

Майя заглянула в журнал.

— Ну да. Терпеть ее не могу! Задается — тушите свет!

— Но пишет отлично.

— Плевать, как она пишет, — дернула плечиком Майя. — Не люблю, когда на меня смотрят свысока.

Алена не знала, была ли тут игра слов, Майка могла иметь в виду всем известную манеру Касьяновой себя держать, холодноватую и как будто отчужденную, которую многие находили высокомерной. Однако для Майки проблема могла оказаться не в манере, или не только в ней, а еще и в росте: маленькая Майка не выносила высоких женщин, а Касьянова была высокой. Алена не в счет: она свой, прирученный гигант, домашний мамонт с уздечкой, который по своему врожденному добродушию покладисто подставлял спину норовистой Дюймовочке.

— А вот, позади Касьяновой, видишь? — решила не вдаваться в тему Алена. — Это ее бойфренд... Между прочим, Димка Усачев его в передачу к нам заманил.

— Ну ты скажешь! — фыркнула Майка. — Какой же он «бой»? Ему крепко за сорок!

— Не придирайся. Пусть будет любовник. Или как тебе больше нравится: хахаль? Сожитель?

— Да никак он мне не нравится!

— А по-моему, вполне ничего... Он частный детектив, знаешь? Кисанов Алексей.

— Слыхала, слыхала... На киску не похож.

— При чем тут?.. — удивилась Алена.

— Ну, фамилия — Кисанов.

Алена озадаченно посмотрела на Майю.

— Да нет, я шучу, фамилия тут ни при чем. Просто, чтоб такую стерву терпеть, надо быть ручной киской. А он не похож. Интересно, как он ее выносит?

— Ага... — пробормотала Алена. — Понимаю... Ты ей свои статьи показывала? И она их зарубила?

— Вот еще, — дернулась всем телом Майя, — Маркуша все устроил, я ни у кого ничего не просила. Просто пришел и сказал: будешь писать для начала вот для этого еженедельника. — Майя ткнула пальчиком в журнальчики. — И все.

Алена не стала вдаваться в подробности. Самолюбия у рисованной принцессы было предостаточно. Майкиному замужеству, безбедному, беспечному и бездетному (разве могут быть дети у Питера Пена или Дюймовочки? Нет, леденец на палочке приватизирован Майкой пожизненно и по наследству не передается!), завидовало пол-Москвы, но Алена знала, что сама Майка комплексует, видя, что бывшие сокурсницы успешно делают карьеру.

— На самом деле эти статьи — это так, ерунда, для отвода глаз, — небрежно произнесла Майя.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть кое-что существенней... Кое-что, что произведет ба-а-альшой переполох. И очень скоро!

— Где произведет переполох? — не понимала Алена.

— Там, — Майя подняла глаза к потолку.

— Ты о чем, Майка?

— Я пока не могу тебе сказать. — Майя приняла важный и таинственный вид. — Но скоро у меня бу-

дут такие материалы... Закачаешься! Разоблачительные. В высшей степени!

— Ой, ты меня заинтриговала! — произнесла Алена, только чтобы польстить подружке. Она не очень-то верила Майке. — И кого разоблачать будем?

— Мафию, — серьезно ответила Майя. — И коррупцию на самом верху.

— Коррупцию — в чем?

— Нелегальный бизнес. Проституция и наркотики.

— Ну ты даешь! Откуда же у тебя такие материалы?

— Да так... Секрет. Я кое-что случайно узнала, подумала, навела справки и поняла, что напала на золотую жилу. Удалось уломать кое-кого, мне обещали достать документы, видеозаписи... В общем, это будет бомба.

— А Марк тебе твои материалы поможет напечатать? — выдвинула предположение Алена.

— Ты что?! Он ничего не знает! Иначе он бы меня уже давно дома запер и охрану приставил! Нет, Марику и знать не надо. Да и никакая помощь мне не нужна! Когда моя «бомба» будет готова — все средства массовой информации сами встанут в очередь с протянутой рукой, вот посмотришь! Но пока я не хочу ничего рассказывать. Чтoб не сглазить.

— Ну, раз не хочешь, так не надо, — согласилась Алена, гадая, что, по разумению вечного ребенка, может называться «бомбой».

— Зачем этот детектив Усачу зандобился? — вдруг вернулась к оставленной теме Майя.

— Хочет сравнить частников с милицией.

— Бог в помощь. Вернее, дьявол. А я могу на запись прийти?

— Он в прямом эфире будет. Ты же знаешь, у Усачева в передаче всегда есть «живые» пятнадцать-два-

дцать минут для тех гостей, на которых он делает особую ставку. Если ему удастся детектива расколоть, так сразу в эфир пойдет. А при записи, ты же понимаешь, начнет гость права качать: вырежьте эти слова, вырежьте те...

— И чего Касьянова в нем нашла, в этом детективе, интересно? — презрительно прищурилась Майя.

— Оно тебе не до фени?

— И он согласился?

— Как видишь.

— Я бы на его месте не пошла к Усачу. Он своих гостей уделывает, как котят!

— Тем не менее людям приглашение в передачу льстит. Как любит говорить Усачев: «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие!» И, как видишь, он прав: на передачу ломятся желающие явить миру «автопортрет», а зрителя присасывает к экранам.

— Циник он, твой Усачев. Ему надо было назвать свою передачу не «Автопортреты», а «Ню»¹!

— Или — «Автоню»! — засмеялась Алена. — Гости-то сами раздеваются!

— Ага, после такого промыва мозгов, который Усач устраивает, и не то сделаешь! Впрочем, если этот дефектив Касьянову ухитрится выносить, так ему и Усачев не страшен.

— Сдалась тебе Касьянова!

— Думаешь, Усачев его расколет? Этот детектив, он же сам бывший мент, своих не продаст!

— Обычно у Димки сбоев не бывает, ты же знаешь. «Вам трудно себе представить, как далеко может завести человеческое тщеславие...»

¹ Обнаженная натура.

— Ты с ним разговаривала?

— С Кисановым? Да.

— И как он тебе?

— Не так прост, как кажется. Сдержан в манерах, смотрит мягко, но чувствуется определенная жесткость в характере... Думаю, мужик порядочный, но не слюняй. Такой, знаешь, тип, с принципами...

— Мент, одним словом, — подытожила Майя. — Хоть и бывший. Пусть Усачев меня в передачу пригласит: если у мента окажется тщеславия недостаточно, то перед *красивой женщиной* он наверняка дрогнет!

— Майка, ну смотрю я на тебя и не понимаю: ты и впрямь глупая или придуриваешься?

— А чего я такого сказала? — пожалала плечиками Майя.

Другая бы, наверное, на месте Алены обиделась: Алена была вполне хороша собой, и Майкина нахальная постановка вопроса была вопиющей бестактностью. Но Алена привыкла к выходкам рисованной принцессы, к ее невинному, непосредственному эгоцентризму: Майка была главной и единственной героиней своего мультипликационного существования, так было задумано в сценарии и утверждено худсоветом окончательно и бесповоротно.

— Это же передача Усачева, он всегда ведет ее сам и гостей своих колет вполне виртуозно — ну при чем тут ты?

— Ну... Я просто не успела подумать. Ты же знаешь, я иногда говорю раньше, чем думаю.

— Уж знаю, — фыркнула Алена, предположив про себя, что Майка, может, и впрямь размечталась, что Усачев тоже «перед красивой женщиной дрогнет» и ее в передачу пригласит. Раз уж Майка статьи в дамском журнале принялась писать, значит, ей оконча-

тельно наскучило безделье. И самолюбие загрызло. А телевидение-то и для веселья, и для самолюбия — развлечение покруче, чем тоненькие еженедельные издания для домохозяек... Хотя она тут что-то говорила о разоблачениях на самом верху, которые она якобы готовит... Придумала небось, мифоманка! Впрочем, никогда не знаешь, какие мысли могут порхать в золотой стрекозиной головке.

— Майчик, мне пора, а то меня небось уже ищут. — Алена вознеслась на всю высоту своего роста, перекинула волосы за плечи, сумку на плечо, одернула тугой пиджак и двинулась к выходу. Майя семенила рядом, словно дитя, не поспевающее за деловитой мамой. — Приходи на следующей неделке, — говорила Алена, шагая, — я тебе пропуск закажу, скажешь, на какой день. С этими чертовыми съемками только в рабочее время и можно повидаться с подружками...

В холле у лифтов они распрощались. Алена поднялась на шестой этаж, Майя танцующей походкой направилась к выходу, небрежно сунув постовому подписанный пропуск, мельком с привычным удовлетворением отметив заблестевший в мужских глазах интерес...

...Вот этот-то всплывший в памяти разговор и заставил Алену вдруг похолодеть: Усачев как раз сейчас был в эфире, а ну как бедовая Майка и впрямь решила в передаче поучаствовать? Она испугалась не на шутку — ведь потом легко выяснится, кто Дюймовочке пропуск заказывал, и, случись что, Алена будет виновата!

Алена резко вскочила в подъехавший как раз лифт, нажала кнопку второго этажа, на котором находились студии, и холодок в ее животе сгустился.

* * *

...Майя вышла на третьем, где располагались аппаратные. В коридор вела кодовая дверь, у всех сотрудников, имеющих допуск, был магнитный ключ, но Майя знала, что обычно сотрудникам лень без конца открывать эту дверь и они — о человеческая халатность, неистребимая и вечная! — просто прикрывали ее, не защелкивая.

Майя оказалась права, дверь была всего лишь прикрыта. По тихому ворсистому коридору, вбирающему звуки, она двинулась к нужной аппаратной — любопытная Майя столько раз бывала здесь с Аленой, что теперь ориентировалась безошибочно.

Она потянула на себя дверь и окинула беглым взглядом человек пять, сидящих у многоцветного сияющего пульта с мониторами, — режиссер, ассистент, техники. Позади был еще один пульт, отделенный стеклянной перегородкой, — Майя знала, что на нем работают звуковики. А впереди находилась огромная стеклянная стена, за которой внизу была видна студия. Она поняла, что не ошиблась дверью: на мониторах и за стеклом внизу, на ярко освещенной площадке, торчали Дмитрий Усачев, ведущий, и Алексей Кисанов, частный детектив и гость передачи.

Почти никто не повернулся в ее сторону. А те, кто повернулся, тут же уставились обратно на мониторы: мало ли кто тут шастает, то ли ищет кого, то ли случайно заглянул.

Но когда Майя шагнула в аппаратную и рванула к лестнице, ведущей вниз, в студию, вслед ей закричали: «Девушка, куда вы, туда нельзя!» Но Майя не повернула и головы, она сбежала по лесенке вниз, обогнула какую-то декорацию и увидела залитую светом

выгородку, окруженную камерами и осветительными приборами.

За стеклянным треугольным столом сидели на высоких, как в барах, табуретках, тоже стеклянных, Усачев и Кисанов. Картина была немного странной: толстый Усачев благополучно облепил телесами табурет, тогда как Кисанов словно парил в воздухе...

* * *

...Поза была довольно странной, неудобной. Алексей видел себя на мониторе: он словно завис в воздухе, по-дурацки поджав под себя ноги, опирающиеся на невидимую перекладину. Мелькнула мысль, что так задумано хитрым Усачевым неспроста: он намеренно вызывал у своих гостей чувство дискомфорта, чтобы было проще выбить их из привычного самоощущения и неожиданно спровоцировать. Под лучами софитов было невыносимо жарко, хотелось вытащить платок и обтереть лицо, но он стеснялся сделать это перед камерами и оттого еще больше злился на Усачева.

Усачев уже заканчивал свою «лисью песенку», и Кис только удивлялся, откуда тот информацию накопал о подробностях дел, которые Алексей расследовал. Впрочем, особо долго ломать голову не приходилось, ибо существовало только три возможных варианта: рассказать о чужих секретах известному ведущему мог или он сам, Алексей, либо его клиенты, либо кто-то с Петровки, с которой Алексей регулярно сотрудничал, обмениваясь информацией в расследованиях. Поскольку первое и второе легко и уверенно исключалось — сам Алексей доверенные ему тайны хранил, как несгораемый сейф, а уж его клиенты тем более, —

то оставалось третье: у Усачева должны быть информаторы в милицеевских кругах.

Усачев, явно довольный собой, рассказывал доверительно и задушевно в объектив камеры о том, как Алексей Кисанов, настоящий герой, «которого теперь оценит по заслугам вся страна и к которому, без сомнения, теперь толпами повалят все потенциальные клиенты», ловко раскрывал сложнейшие дела. В то время как бесполезная и прогнившая организация под названием милиция, на содержание которой честные налогоплательщики отрывают от кровного семейного бюджета кусок, не в состоянии обеспечить гражданам ни защиты от преступников, ни их поимки! Напротив, эта насквозь коррумпированная организация уже давно превратилась в превосходное оружие прикрытия бандитов — от честных граждан и от правосудия!..

Алексей легонько кивал головой, как бы соглашаясь, в такт речам ведущего. И когда Усачев, уверенный в том, что жертва схвачена надежно и уже рыпаться не будет, предоставил ему слово, Алексей проговорил с любезной улыбкой: «Вы тут меня почти задушили комплиментами... У меня для вас есть ответный: вы потрясающе осведомлены. Информация об этих делах является строго секретной, совершенно не представляю, как вы могли ее раскопать?» — и с простодушным видом уставился на Усачева.

Ведущий расплылся.

— У меня есть свои маленькие профессиональные тайны. Предмет журналистики — это информация. Кто-то производит йогурты, кто-то — машины. Основной товар, который журналистика предлагает потребителю, — это информация, и мы, журналисты,

делаем все, чтобы людей этим товаром обеспечить, то есть его добыть...

— И выгодно продать, — закончил за него Кис. — Не буду спрашивать о ваших доходах, но всем известно, что заработки телевизионных ведущих выходят за пределы воображения... Разумеется, вы можете потратить часть ваших заработков на покупку информации? Или в бюджете передачи предусмотрена специальная статья расходов? Поскольку я вам о своих исследованиях не рассказывал, а мои клиенты тем более, то следует предположить, что вы оплачиваете услуги кого-то из милицейских работников в обмен на информацию... Правильно?

— У меня там друзья, это естественно... — Усачев осторожно кивнул, не понимая, куда клонит Алексей.

— ...Которым вы платите за информацию, — закончил за него Алексей. — То есть вы по существу один из тех деятелей, которые коррумпируют милицию, — сообщил задумчиво Алексей, послав улыбку в камеру для Александры.

— Что вы, вовсе нет! — спохватился Усачев. — Это вовсе не является коррупцией, это святая святых, это информация, каждый гражданин демократической страны имеет право на информацию, оно гарантировано Конституцией...

— Вы приходите к человеку, — перебил его Алексей, — который получает в месяц в лучшем случае сумму, которую вы имеете за один день. И вы легко подкупаете его для того, чтобы он, в нарушение всех инструкций и просто этики, выдал вам секретные сведения, после чего вы их разглашаете на всю страну, зарабатывая популярность. Если это, по-вашему, не коррупция, если это в порядке вещей, то будемте

снисходительны и к бандитам: они тоже покупают «информацию» о ходе расследования их грязных дел, что позволяет им опережать действия милиции и вовремя замечать следы. Это вполне вписывается в ваш подход к вопросу, верно? У бандитов тоже в милиции «друзья», точно как у вас. И друзья им помогают, как и вам, по дружбе. Выражающейся в увесистых, надежных, зеленых дензнаках. Я не намерен обсуждать с вами моральную сторону вопроса, я только хочу уточнить: чем это вы, собственно, только что так возмутились, когда ругали милицию?..

* * *

...Сказать, что она ворвалась на съемочную площадку, было бы явным преувеличением, ее фигура была слишком хрупка, чтобы произвести физическое действие, достойное этого глагола. Скорее влетела, как дуновение ветра, и внезапно укоренилась прямо между мужчинами — почти рост в рост с сидящими — и, переводя безумные глаза с камеры на камеру, заговорила срывающейся скороговоркой:

— Я хочу сделать заявление... Моего мужа убили... Меня обвинят, потому что все подстроено так, чтобы подумали на меня... Но это не я!.. Меня подставили!.. Это мафия! Я, Майя Щедринская, журналистка, я вышла на очень крупную организацию, занимающуюся поставкой наркотиков в Россию и русских девушек в иностранные бордели. В ней замешаны высокопоставленные лица, крупные государственные чиновники, у меня есть компрометирующие материалы, и теперь они все так специально подстроили, чтобы подумали на меня!..

Усачев дернулся всей своей грузной массой и вцепился в плечо девчонки.

— Безобразие! — прошипел он. — Что это за бред? Где охрана? Кто вы такая? Кто вас сюда пустил?!

Но, вспомнив, что он в эфире, отпустил девчонку и снова повернулся к камере, улыбаясь, хоть и кривовато:

— Как видите, дорогие телезрители, у нас тут некоторое незапланированное происшествие. Прошу нас извинить, это недоразумение, мы сейчас разберемся.

— Они хотят меня уничтожить! — звенел срывающийся голос Майи, перекрывая слова Усачева. — Я обращаюсь ко всем: если со мной что-нибудь случится — знайте, что...

— Запись! — рыкнул Усачев, склоняясь к лацкану пиджака, где торчал маленький микрофон.

— ...Что это мафия! — выкрикивала Майя.

— Немедленно дайте запись! — прохрипел в отчаянии ведущий.

Но в наступившее короткое замешательство камера ослушалась и сделала наезд крупным планом на непрошеную гостью, бледную от отчаяния и страха, с глазами, расплескавшимися на пол-лица, как вышедшее из берегов озеро.

Потом камера успела схватить фигуру охранника, который вбежал в студию и теперь направлялся быстрым шагом к столу, где находилась вся троица, и тут же вернулась на лицо девушки, с ужасом смотревшей на его приближение; затем объектив скользнул по разъяренному лицу Усачева и невозмутимому — Кианова и снова нашел застывшую в напряженной позе фигурку девушки... И здесь камера за что-то зацепилась своим глазком, на что-то нацелилась, пока

непонятное, пока смутное... Наезд крупным планом... И ах! — выдохнули миллионы телезрителей у экранов: в центре кадра ясно очертился пистолет. Небольшой, карманной модели, в которой знаток опознал бы «вальтер».

Вот ручонка, неотступно сопровождаемая камерой, поднимает пистолет; вот его для верности прихватывает вторая ручонка, вот, помедлив, поколебавшись мгновение, пистолет выбирает направление и...

И утыкается в висок почетного гостя, героя, которого теперь уж точно вся страна будет знать в лицо: в висок Алексея Кисанова, частного детектива.

Охранник оторопело замирает, не зная, что предпринять.

— За-апись! — проорал Усачев.

В эфир наконец пошла та часть передачи, которая была сделана в записи, но камера все снимала, увековечивая кадры, которые позже будут рассмотрены с пристрастием следствием в замедленном прогоне.

— Не вздумайте звать милицию, — говорит хрупкое создание, обводя присутствующих заледеневшими глазами. — Иначе я его пристрелю.

В дверях студии уже начал толпиться народ, еще двое из местной охраны протискиваются вперед и останавливаются, сраженные неожиданным поворотом дела.

Немая сцена, народ безмолвствует. И потому особенно отчетливо слышен тонкий голосок, в котором вдруг зазвенели металлические нотки:

— Пошли, — командует она, — с вещами на выход, господин сыщик.

Обалдевшая толпа расступается и дает пройти этой

странной парочке. До виска Кисанову, вставшему во весь рост, девушка теперь не достает, но зато держит пистолет прямо под его лопаткой. Одно неосторожное движение, и эта истеричка и впрямь может выстрелить...

Алексею происходящее казалось какой-то буффонадой, но его лопатка чувствовала вполне реальное дуло. Маленькая лапка держала пистолет крепко, хотя сама девица вся дрожала, как мокрая собачонка. Кис подумал, что было бы очень просто вывернуться из-под дула, достаточно резко пригнуться и опрокинуть девчонку через себя, но, с одной стороны, есть риск, что дуреха с перепугу начнет палить невесть куда, если, конечно, ее пистолет вообще заряжен, с другой — ситуация Киса необычайно забавляла и даже интриговала его профессионально натренированное любопытство.

Охрана следовала за ними на некотором расстоянии, но в лифт крошка с пистолетом никого не пустила под угрозой открыть стрельбу. На пост при выходе была передана команда пропустить, и вот уже двое — издали можно было подумать, что девчушка пытается обнять папу, но ручка, не дотянувшись до мужского плеча, просто замерла на спине, — вышли на улицу.

Стадо милицейских машин уже где-то подвывало сиренами, приближаясь; дуло пистолета подпихнуло Алексея в спину: поживее! Кис проворчал: «Осторожно, девушка, вы вообще-то обращать с оружием умеете? А то пристрелите меня, не ровен час, что будете делать тогда без заложника? Заложника беречь надо...»

Ответом ему было тихое нежное: «К вашей машине, быстро! Ключи! И поосторожней с карманами, я успею выстрелить раньше, ясно?»

Кис, не оборачиваясь, залез в карман и протянул назад связку. Раздался щелчок кнопки центрального замка.

— За руль!

Она скользнула на заднее сиденье «Нивы» Киса и пристроилась с пистолетом за его спиной.

Кис, которому было велено ехать, тронулся, усмехаясь. Он развлекался: его похищали! Да кто! Какая-то писуха с почти игрушечным пистолетом.

Цирк, оперетта, мультяшник, и только.

* * *

Он ехал на совесть быстро. Как бы ни смешна была девчонка за его спиной, выстрелить она могла — от отчаяния, от нетерпения, нечаянно дернувшись... А вкупе с его любопытством подобная вероятность была хорошим стимулом.

Они исчезли из виду раньше, чем милиция успела понять, в чем дело, в каком направлении исчезла беглянка с заложником, и передать дорожному патрулю номер машины Кисанова. Они успели проскочить Алтуфьевское шоссе, притормозив до приличной скорости у поста ГИБДД, и сразу за Кольцевой углубились в какие-то проселочные дороги. У обочины леса девчушка велела остановиться. Плотно прижимая пистолет — на этот раз к шее Алексея, — она заставила его пересест на пассажирское сиденье, сама перебралась вперед на водительское и, приказав держать «руки вверх», обшарила его карманы. Оружия в них не оказалось, зато во внутреннем кармане она

нашла мобильник, который тут же и отключила. Затем открыла бардачок, покопалась в нем и обнаружила пару наручников. Дитя возликовало: ого, настоящие! И велело детективу подставить руки. Прикусив от усердия язычок, удовлетворенно защелкнуло наручники на мужских запястьях. После чего она тщательно завязала ему глаза шелковым душистым шарфиком, снятым с нежной шейки.

Покончив с процедурой взятия в заложники, девушка набрала по своему мобильному номер и проговорила: «Веня? Это я... У меня беда. Я могу к тебе приехать прямо сейчас? Только я не одна. Спасибо, я знала, что ты так ответишь».

По короткому треньканью Алексей сделал вывод, что она отключила и свой мобильный. Стало быть, девица знает, что по работающему сотовому можно установить ее местонахождение. Ишь ты, какой нынче народ пошел образованный...

Если только, конечно, эта девица в качестве представителя народа не продумала и не разузнала все специально заранее...

Спустя примерно час машина затормозила. Кису было предложено выбираться. Дуло пистолета больше не заигрывало с его телом, но с завязанными глазами и в наручниках он вряд ли мог представлять опасность даже для кошки. Он прошел, поддерживаемый галантно под локоток, несколько метров вперед и остановился. Тяжелый, неравномерный скрип деревянных ступеней и глуховатый мужской голос: «Здравствуй, девочка. Рад тебя видеть. Кто это с тобой?»

— На, — поприветствовала его в ответ «девочка».

С точки зрения Киса — если можно иметь «точку зрения» при завязанных глазах, — словом «на» была сопровождена передача пистолета.

— Развяжи ему шарф, но наручники оставь, — продолжала его похитительница. — И держи его на мушке, никто не знает, чего от него можно ждать.

Через минуту повязка с глаз детектива была благополучно снята. Бородатый мужчина, судя по всему, телефонный Веня, держа Алексея на прицеле пистолета, свободной рукой поднес шарфик к лицу и вдохнул его запах.

— «So pretty»¹, — сказал он задумчиво. И, доброжелательно поглядев на Кисанова, пояснил: — Духи так называются. Картье. Вам понравился запах?

Впрочем, ответа бородатый не ждал и, сделав жест к крыльцу, объявил:

— Милости просим, пожалуйста в дом.

И легонько подтолкнул детектива пистолетом в плечо.

Направляясь к крыльцу, Алексей мельком осмотрелся: высокий добротный кирпичный забор, из-за которого подглядывали за домом верхушки сосен, крепкие металлические ворота. Просторный крестьянский двор, уходящий за дом, — виден был огород, ягодные кусты — хозяйство, стало быть; перед крыльцом площадка, усыпанная гравием; в правом углу двора к забору притулился сарай, в левом — гараж.

Дом был большой, настоящий деревенский, кулацкий, из толстых старых бревен. Веня, следовавший позади Алексея, скрипел гравием неравномерно, и Кис сделал вывод, что мужчина хромает. Скрип ле-

¹ «Так очаровательна» (англ.).

стницы под шагами Вени подтвердил его предположение.

Внутри, однако, дом поражал совсем не деревенским уютом и напоминал скорее дачу в стиле «охотничья изба», как ее представляют городские жители, привыкшие к комфорту и имеющие на него средства. Впрочем, печь была настоящей, русской, покрытой изразцами, — не какой-то там дурацкий камин, из которого вечно выстреливают раскаленные угли, прожигая дорогой паркет. Да и пол был вовсе не паркетным, а дощатым, как положено в русской избе, хотя доски были некрашеными, просто покрыты прозрачным лаком. На полу, по центру просторной комнаты, разлеглись медвежьи шкуры. Два окошка на противоположной стене, за ними виден довольно большой ухоженный сад с огородом. Кис быстро рассмотрел длинный ряд стеллажей с книгами у правой стенки, отметив преобладание компьютерной тематики и философской литературы с уклоном в Восток. У левой стены он заметил дорогую аудиотехнику, а рядом с ней здоровую бочку, лежавшую горизонтально на ножках, похожих на козлы, только из настоящих толстых сучьев. Посреди бочки находилась откидная дверца, и Кис задумался о ее назначении.

Впрочем, долго ему размышлять не пришлось, потому как бородач спросил:

— Что желаете пить? Виски, водка, джин, коньяк? — и открыл дверцу в бочке, в глубине которой вспыхнул свет и засияли бутылки.

— Коньяк, — ответил Кис.

— Присаживайтесь, — Веня кивнул на кресла. — Садись, Майя.

Ага, вот уже кое-что: сумасшедшую девицу зовут Майя. Кис помнил, что она выкрикнула свое имя на

телевидении, но он тогда не запомнил его, несколько оглушенный неожиданностью ее появления.

Алексей, следуя приглашению хозяина, сел. Майя забила в соседнее кресло, вжавшись в спинку всем телом, подобрав колени, которые обхватила руками. Наконец-то Кису представилась возможность разглядеть ее. Он бы ей дал лет пятнадцать на вид, но она говорила о муже, которого убила не она, следовательно, ей должно быть хотя бы восемнадцать-девятнадцать. На ней был летний шелковый костюм цвета бронзы, состоящий из короткой юбки, крошечного топика на бретельках, открывающего живот, и маленького ханжеского пиджачка, прикрывающего весь этот соблазн, чтобы сделать его еще более соблазнительным. Тонкий шарфик, которым были завязаны глаза Алексея, она небрежно повесила на спинку кресла. Босоножки, такие же бронзовые, в тон костюму, она сбросила, и маленькие голые ступни с бледно-розовыми ноготками придавали ей беззащитный вид. На правой щиколотке тускло светилась тонкая золотая цепочка. Юбку Майя натянула на колени изо всех сил, но этот ложно-целомудренный жест не слишком помешал Кису увидеть за согнутыми коленками верх ее ляжек и даже треугольник темно-золотого шелка трусиков между ними. Майя была очень милостива, хрупка и воздушна на вид и как-то на редкость гармонична: золотистые, светло-рыжие, как майский мед, волосы удачно сочетались со светлыми прозрачными глазами, белой кожей, невесомостью тела, цветом костюма и даже трусиков.

Застыв в углу кресла, Майя была задумчива и молчалива. Взгляд ее прочно приклеился к столику, она не смотрела ни на Кису, ни на Веню, которого, кажется, такое экстравагантное поведение ничуть не

удивляло. Он не задал до сих пор ни одного вопроса, хотя Майя по телефону ему сообщила, что у нее «беда», привезла ему незнакомого мужчину с завязанными глазами и в наручниках и вручила хозяину пистолет. Кис бы, пожалуй, на его месте от вопросов не удержался. Философ, должно быть, судя по литературе на полках. Какой-нибудь «дзен-буддист», нынче их страсть сколько развелось.

Веня поставил на низкий столик, сделанный из огромного пня, рюмку для Алексея, джин со льдом, тоником и кусочком лимона для Майи — ее он не спрашивал, хорошо, стало быть, знает ее вкусы — и водку для себя.

— Будемте знакомы, — поднял Веня стопку. — Я Вениамин. А вас как величать?

Вениамину Кис дал бы лет сорок пять на глаз, но весьма вероятно, что он был моложе: борода с ранней проседью прибавляла ему возраста. Длинные густые волосы, также с проседью, стянуты в хвост. Черные, цыганские, глубоко посаженные глаза были умны и вполне доброжелательны, и вообще с его лица не сходило невозмутимое выражение «здрате, гости дорогие!». Он действительно хромал на правую ногу, и Кис рассмотрел ортопедический ботинок и увесистую самодельную клюку, приставленную к книжному стеллажу.

— Алексей, — представился он Вениамину. — Можете, снимете с меня наручники? Я не уверен, что в них удобно держать рюмку с коньяком.

— Боюсь, что ваша просьба преждевременна. Придется вам управляться в них.

— Тогда не будем терять время. Объясните мне, что происходит.

— Не могу, — сказал Веня. — Пока сам не знаю.

Кис вопросительно уставился на Майю, но она молчала, по-прежнему ни на кого не глядя. Поймав взгляд детектива, Вениамин добавил:

— Она вам обязательно объяснит. Когда сочтет нужным.

— Хорошо, — не сдавался Кис. — Дайте мне хотя бы позвонить. Я просто скажу любимой женщине, что со мной все в порядке.

— Касьяновой? — вдруг очнулась Майя.

— Вы знакомы? — спросил он.

— Немножко. Встречались на тусовках, я тоже журналистка... Начинаящая, — добавила она. — Вы из тех мужчин, которые всегда отчитываются о своем местонахождении и времяпрепровождении?

— Послушайте, Майя... Я ведь не за хлебом вышел. Вы меня умыкнули под дулом пистолета прямо из кадра, и вся страна видела это... Включая Александру. Она волнуется, что естественно. И потом, разве ваш муж не звонил вам с работы, чтобы сообщить, что возникли непредвиденные обстоятельства и он задерживается? Разве это не нормально?

— То муж! А она вам не жена!

— Вы неплохо осведомлены о моей личной жизни. Должен ли я сделать вывод, что нахожусь здесь не случайно?

— Вы должны сделать вывод, что вам не следовало связываться с известной журналисткой, потому что теперь о вашей жизни осведомлена вся страна! Веня, дай ему свой мобильник, мой может быть на перехвате, его тоже. Только ни слова лишнего, имейте в виду. Ни где вы, ни с кем вы. Только что вы живы и пока вне опасности.

— А я вне опасности?

— Зависит от вашего поведения.

— Ага, неплохо для начала, — удовлетворенно ответил Кис и набрал номер. Было непривычно все делать двумя руками, поскольку одна неотвратимо болталась возле другой, пристегнутая наручниками.

Он действительно произнес в трубку только две короткие фразы:

— Саша, со мной все в порядке, никакой опасности нет, поверь мне. Не волнуйся, обещаешь?

Он отключился, и тишина, внимательно впитавшая его краткую беседу с Александрой, обступила его. Кис посмотрел по очереди на Майю и Вениамина — и два взгляда поспешно отлепились от его лица, переместившись на столик.

Тишина длилась сценой из немного кино, безмолвным танцем рук и стаканов в ограниченном пространстве столика (не хватало только сопровождающего треньканья пианино):

Алексей изловчился и выпил коньяк.

Майя взяла свой джин.

Веня налил себе вторую стопку.

Подлил еще коньяку Алексею.

Майя допила джин и протянула стакан Вене.

Веня приготовил по тому же рецепту: тоник, лед, лимон.

...И только отпив из нового стакана, Майя озвучила затянувшийся в немоте кадр.

Мужчины слушали, не перебивая, историю о том, как она спустилась вниз и увидела тело мужа в крови, как схватила пистолет, выбежала из дома и умчалась куда глаза глядят, и все остальное, вплоть до сцены на телевидении — это уже для Вениамина, который телевизор не смотрел и не был в курсе случившегося.